

Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации*

Андрей Медушевский

Переосмысливая стандартную теорию демократического транзита, автор показывает нестабильный характер среднеазиатских политических режимов. Он характеризует различные стратегии политической модернизации с целью представить вклад постсоветских конституционных реформ по таким направлениям, как разделение властей, парламентаризм, президентская власть и роль политического лидерства. Он обсуждает важность конституционного развития в традиционных обществах переходного типа, констатируя, что посткоммунистическое конституционное развитие в регионе еще далеко от завершения.

→ *Демократический переход; среднеазиатские политические режимы; конституционализм; формы правления; разделение властей; политическое лидерство*

Политические режимы постсоветского региона при всем их этнографическом и идеологическом разнообразии объединяет одна общая характеристика — их нестабильность. Эта нестабильность явилась следствием глобальных перемен, произошедших в 1990-х годах, по своему значению сопоставимых, как считают некоторые исследователи, с крупнейшими революциями XVIII — начала XX веков: распада СССР, образования новых национальных государств Центральной и Восточной Европы, радикального изменения общественного сознания. Их стремительный характер породил типичный для революций феномен завышенных ожиданий, удовлетворить которые новые правящие режимы в большинстве случаев, как оказалось, не были способны. Отказ от «иллюзий» переходного

периода стал причиной распространения в массовом сознании настроений апатии и разочарования, констатируемого повсеместно «дефицита демократии», и в то же время он подтолкнул государства к интенсивным поискам новых стратегий самоопределения. Аналитиком, наблюдателем, а в ряде случаев участником этих поисков в странах постсоветского региона выступал автор данной статьи.

Типология переходных процессов и политических режимов позволила выявить ряд стратегий переходного периода для Центральной и Восточной Европы и Евразии. Но эти стратегии даже внутри регионов не одинаковы, имеют свою специфику. В Центральной и Восточной Европе можно выделить страны быстрой консолидации (Чехия, Венгрия, Польша, Словения); страны замедленной консолидации (Болгария, Румыния); страны заторможенной консолидации (Сербия, Хорватия, Македония, Албания). Такая классификация соотносится с параметрами конституционной трансформации: «бархатные революции» и перевороты; принятие конституций путем диалога или разрыва конституционной преемственности; соответственно, большие или меньшие возможности

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного в рамках Международной научно-практической конференции «Конституционные и политические процессы в Центральной и Восточной Европе: двадцать лет спустя», организованной Институтом права и публичной политики 17–18 февраля 2012 года в Москве. В докладе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0038, реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ в 2012–2013 годах».

для «бархатной» реставрации. Типология переходных процессов в Евразии включает: российскую модель 1993 года как общий ориентир для СНГ; страны, вставшие на путь поиска альтернативы (Молдавия, Украина, Грузия, Киргизия, испытавшие феномен «цветных революций» или их взаимного влияния); страны, избравшие модель авторитарной модернизации (Казахстан, Белоруссия, Азербайджан, Армения); страны Средней Азии с нереставрированными режимами (Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан). Этим типам схематично соответствуют различия в формах правления — парламентские, смешанные и президентские политические режимы в оригинальных локальных трактовках¹.

Обращаясь с этих позиций к политическим режимам постсоветского пространства, мы должны определить, каковы причины и ресурсы реставрационных процессов, насколько далеко они могут зайти в стремлении к восстановлению предшествующих порядков и где та граница, за которой реставрация старого порядка станет необратимой. При общем сходстве задач по конституционной модернизации, стоящих перед всеми государствами в постсоветском регионе, страны Средней Азии демонстрируют свою особую специфику, которая связана с религиозным фактором (Таджикистан и Узбекистан); поиском компромисса между национальными регионами (Киргизия); потребностями форсированной экономической реформы (Казахстан) или с преодолением патриархальных традиций (Туркмения). Цементирующей основой этих режимов является возврат после обретения независимости к исторической традиции авторитарного правления на фоне вполне осознаваемой угрозы распада страны под влиянием деструктивных религиозных, национальных и клановых конфликтов. Наглядным примером «несостоявшегося государства» служит здесь не Сомали или Мозамбик, а соседний Афганистан.

1. Пересмотр транзитологической парадигмы: параметры конструирования постсоветской реальности

В теории переходных процессов экспертным сообществом констатируется необходимость смены парадигм. Существующие теории

«конца истории», «волн демократизации» и собственно «посткоммунистического транзита», возникшие непосредственно в период демократической трансформации, стали ее легитимирующей основой. Они включали представления о линейности переходного процесса, его телеологизме и безальтернативности результата. Практика переходных обществ, особенно с учетом существующей ныне исторической дистанции, заставила поставить эти постулаты под сомнение или, во всяком случае, задуматься об их корректировке. Во-первых, оказалось, что переход от авторитаризма к демократии отнюдь не линейный процесс, поскольку во многих странах он включает в себя отклонения и возвратные движения. Во-вторых, далеко не всегда он ведет к установлению гражданского общества и правового государства: часто вместо них образуются имитационная демократия и гибридный режим². Наконец, в-третьих, результаты переходных процессов в разных странах Европы и Евразии оказались не тождественными, включая пеструю гамму режимов «серой зоны» — от ограниченно демократических до вполне авторитарных. На этом фоне информативна современная дискуссия по ключевым параметрам переходного периода³.

Эти факты заставляют подвергнуть радикальному сомнению тот теоретический инструментарий, который существует в настоящее время, вплоть до полного отказа от концепции «посткоммунистического транзита» как единой концепции перехода к демократии в регионе. Данный вывод, в большей или меньшей степени относящийся ко всем государствам региона, особенно справедлив в отношении новых национальных государств Евразии, вставших на путь консервации и реставрации традиционалистских социальных структур. Результаты в них оказались диаметрально противоположными «революционным» ожиданиям: обретение новых демократических ценностей трансформировалось в кризис идентичности; европейский выбор обернулся распространением национализма, изоляционизма и «евроскептицизма»; надежды на экономическое благосостояние — спадом в экономике; искомая стабильность — развитием угрозы внешней или внутренней дестабилизации; наконец, вместо гражданского общества и парламентских институтов реальностью стали мнимый конституциона-

лизм, политическая коррупция и реставрация авторитаризма. Задача их преодоления формулируется как основная цель курса правовой модернизации⁴.

Предложенная нами теория конституционных циклов ставит вопросы правовых и экономических реформ в социальный контекст и объясняет динамику переходных процессов в их противоречии. Линейной модели политического и правового развития данная теория противопоставляет циклическую модель и ее интерпретацию как смены трех фаз: первая фаза — отказ от старой правовой системы и ее ценностей — деконституционализация (конституционные революции начала 90-х годов), вторая фаза — создание новой правовой системы — конституционализация (процесс принятия новых демократических конституций, основанных на западных моделях) и третья фаза — последующее согласование новой правовой и институциональной системы (закрепленной в конституции скорее как общественный идеал) с социальной реальностью, неизбежно оказывающейся более консервативной. Именно на третьей фазе — фазе реконституционализации — определяется вектор развития всего постреволюционного политического устройства⁵. Согласование нормативно-правовой системы с социальной системой может осуществляться различными способами: путем трансформации социальных отношений в соответствии с конституционными нормами (что отражает радикальную социальную реформу); путем сохранения неопределенности в соотношении правовых норм и социальных институтов (что выражается в феномене отложенной демократии и конституционного параллелизма); наконец, путем изменения новой конституции для сближения ее норм с традиционной реальностью (что означает отступление от реформ, а в конечном счете может привести к восстановлению предшествующей авторитарной системы). В рамках данной концепции реставрационные тенденции на постсоветском пространстве предстают не столько в качестве завершающих фаз конституционного цикла, сколько в виде иллюстрации закона маятника — чередования периодов дестабилизации и усиления авторитаризма. Смена периодов происходит или в виде вариантов спонтанного развития, или при вмешательстве извне, или в виде комбинации этих факторов.

Характерной чертой политического развития стран среднеазиатского региона признается феномен имитационной демократии: принятие демократических конституций и проведение выборов на поверку оказываются легитимацией авторитарных режимов с несменяемой элитой (во многом состоящей из прежних людей); наличие характерных формальных атрибутов представительного правления: парламента, политических партий, политических коалиций — не свидетельствует о торжестве демократии, поскольку они контролируются извне коррупционными и клановыми структурами.

Конституционные реформы в Средней Азии постсоветского периода представляют интерес как эксперименты по рационализации традиционного общества и политических режимов, имплантации конституционных норм западного происхождения в иную культурную среду. Важно проследить, как страны региона встречают вызовы глобализации и модернизации, как реагируют на них («цветная революция» в Киргизии; авторитарная модернизация в Казахстане; отказ от реформ в Таджикистане и Узбекистане; «косметическое» проведение реформ для смены патриархальных форм власти в Туркмении) и какие факторы способствуют тому или иному вектору этих преобразований.

2. Конституционная революция как альтернатива авторитаризму (Киргизия)

Вклад «цветных революций» в формирование альтернативных политических моделей в странах постсоветского региона остается неопределенным. Для них характерно, во-первых, отсутствие единой концепции желательной формы правления; во-вторых, циклическая (в стиле колебаний маятника) смена форм правления; в-третьих, существование противоположных векторов в определении перспективных форм правления. Так, страны, изначально принявшие парламентскую или парламентско-президентскую форму правления, хотя двигаться к президентской форме, и, напротив, страны с президентскими формами правления ищут изменений в направлении парламентаризма. Наконец, не исключен вариант использования элементов парламентской системы для решения задач имита-

ционной демократии. В основе циркуляции форм правления лежат не столько доктринальные приоритеты, сколько меняющийся баланс политических сил, распределения экономических ресурсов и предпочтений элит, включающих как внутренние, так и внешнеполитические ориентиры. Единственной страной среднеазиатского региона, где можно говорить о применении модели «цветных революций», стала Киргизия.

Политическое развитие Киргизии уникально для Средней Азии: эта страна постоянно экспериментирует с конституционным устройством и бросает вызов политической неподвижности и авторитаризму в регионе. За короткий постсоветский период сменили одна другую три республики — это режимы А. Акаева, К. Бакиева и установленный ныне переходный политический режим. В истории постсоветской Киргизии было представлено до семи различных вариантов конституционного устройства.

В Киргизии *первой стадией* конституционных преобразований стало принятие 5 мая 1993 года первой суверенной Конституции, символизировавшей обретение независимости и закрепившей конструкцию президентско-парламентской республики, близкую к российской модели. Данная Конституция неоднократно подвергалась ревизии путем конституционных референдумов и внесения поправок в 1994, 1996, 1998, 2003, 2006 годах. Конституция 1993 года (в редакции 2003 года) стала основной мишенью для критики со стороны оппозиции.

Вторая стадия политической трансформации представлена «революцией тюльпанов» 24 марта 2005 года, декларировавшей в своих лозунгах переход к парламентской или, как минимум, парламентско-президентской республике, но не осуществившей его⁶. Последняя версия Конституции, действовавшая до переворота и представленная в Законе Кыргызской Республики от 18 февраля 2003 года «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики», сохранила свое действие после «революции тюльпанов». Принятие новой редакции Конституции 9 ноября 2006 года стало очередной попыткой разрешения конституционного кризиса и создания стабильных политических институтов. Однако уже в конце года парламент принял Закон Кыргызской Республики от 30 декабря

2006 года о новой редакции Конституции, ставший шестой попыткой разрешения кризиса. Принятая по результатам «революции тюльпанов» новая редакция Конституции 2007 года вновь стала предметом постоянного конфликта между Президентом и либеральной оппозицией, который так и не получил разрешения при старом режиме (конституционная реформа, запланированная на 2009 год, рассматривалась оппозицией как попытка Президента установить династическое правление с целью передать контроль над собственностью членам своей семьи)⁷.

Началом *третьей стадии* конституционной трансформации следует считать текущие конституционные преобразования. Новый поворот конституционных дебатов, связанный с конституционной революцией 2010 года, свергшей режим Президента К. Бакиева, определяется как возвращение к идеям парламентаризма, которые не могли быть реализованы в ходе первой «революции тюльпанов» 2005 года в силу узурпации власти кланом Президента. Революция 2010 года в Киргизии стала наиболее радикальной попыткой изменения политического режима в стране (и регионе Средней Азии в целом), обозначив переход к Третьей республике и принятие новой Конституции на референдуме 27 июня 2010 года, укрепившей парламентский вектор развития страны. Она получила позитивную оценку западных экспертов как модель, наиболее отвечающая представлениям о демократии в регионе, и негативную оценку значительной части российских экспертов — как путь к анархии и распаду государства. Уже это различие оценок делает необходимым внимательный анализ революции в Киргизии и ее вклада в конституционное развитие Средней Азии по следующим параметрам: соотношение старого порядка и революции — обстоятельства принятия новой Конституции; возможность обеспечить суверенитет и гарантии прав человека в условиях расколота нации; форма правления и тип политического режима — соотношение функций парламента, Президента и правительства в системе разделения властей; потенциальная роль главы государства — его конституционные и метаконституционные полномочия; механизм функционирования новой политической системы и роль партий в формировании правительства парламентского большинства;

изменение места судебной власти в системе разделения властей; перспективы конституционного развития Киргизии для Средней Азии⁸.

Новая Конституция Киргизии, принятая в условиях революции и фактического начала гражданской войны, отражает поиск компромисса по всем значимым вопросам переходного периода, но его достижение делает политическую систему крайне неустойчивой. Для нее характерно фундаментальное противоречие конституционных правовых норм и популизма партий (в которых некоторые усматривают продолжение традиции киргизской «кочевой демократии»). Конституция фиксирует демократические нормы и ценности, которые не могут быть обеспечены экономически неэффективным государством в переходный период, что делает проблематичным сохранение его суверенитета и стабильности без внешней помощи. Эрозия легитимности конституционных норм — естественное следствие такого выбора. Каковы перспективы эволюции политического режима? Конституция, вопреки многочисленным заявлениям о переходе к парламентаризму, закрепляет не монистическую, а дуалистическую форму правления, в которой верховенство власти народа представлено и обеспечено «всенародно избираемыми Жогорку Кенешем и Президентом» (ст. 3). По сравнению с предшествующей Конституцией принятые изменения не столь принципиальны — они ограничиваются известным перераспределением власти между Президентом и парламентом в пользу последнего (формирование ответственного правительства), однако в целом не выходят за рамки смешанной формы правления. Более того, осуществление этого перераспределения выглядит непоследовательным, поскольку глава государства сохраняет контроль над силовым блоком и, следовательно, принцип парламентской ответственности правительства реализован крайне противоречиво, чем закладывается возможность конфликтов по этой линии в будущем. Это означает, что новая Конституция Киргизии, наподобие Веймарской конституции, закрепляет президентско-парламентскую форму правления, которая не может преодолеть феномена двойной легитимности — парламента и всенародно избираемого президента, прерогативы которого по роспуску парламента, контролю над

силовым блоком, введению чрезвычайного положения и применению указного права дают ему перевес над парламентом в критических ситуациях. Принятие действующей Конституции в условиях фактического чрезвычайного положения, введенного Временным правительством, становится прецедентом для будущих переворотов.

В какой мере Конституция позволяет обеспечить стабильность политического процесса? Конституция закладывает такие основы деятельности политических партий, следуя которым партиям трудно будет создать стабильное парламентское большинство и сформировать дееспособное правительство. К числу проблем, неизбежно возникающих на этом пути, относятся: 1) трудности в образовании и последующем сохранении единого парламентского большинства на межфракционной основе при отсутствии доминирующей партии в парламенте; 2) трудности в обеспечении дисциплины парламентских голосований на межфракционном и особенно на внутрифракционном уровне (ничто не мешает депутатам голосовать против установок своей партии); 3) трудности в формировании работоспособного правительства (в рамках сложных и многоступенчатых процедур, которые зафиксированы в Конституции) и вовлечении оппозиции в полноценный законодательный процесс (особенно с учетом этнической и клановой ориентации всех партий и их лидеров, которая уже проявилась в деятельности Временного правительства); 4) возможность вмешательства Президента в процесс формирования правительства в ситуации раскола между парламентскими фракциями или в случае направленного создания такой ситуации (прерогативы Президента в этой области далеко не церемониальные); 5) возможность конфликта Президента и парламента по ключевым вопросам внутренней и внешней политики (в силу неопределенности конституционных положений о разделении прерогатив Президента и премьер-министра в этой области) и, что особенно важно, по линии отношения к силовому блоку (контроль над которым резервирован исключительно за президентской властью). В силу этих причин парламенту будет чрезвычайно трудно преодолеть президентское вето, собрав для этого необходимые 2/3 голосов, или осуществить процедуру импичмента.

Соединение ряда факторов, заложенных в Конституции, может дать кумулятивный негативный эффект в динамике переходного периода: пропорциональная система (особенно в случаях манипулирования проходным барьером, абсолютного ограничения числа депутатских мандатов от победившей партии и низкой дисциплины голосования) ведет к появлению в парламенте многочисленных партий, неспособных сформировать устойчивое парламентское большинство, следствием чего становятся проблемы с формированием коалиционного правительства или, во всяком случае, обеспечением долговременной стратегии его деятельности. Передача полномочий по изменению Конституции исключительно парламенту (а следовательно, доминирующим партийным коалициям) при одновременном ограничении независимых институтов контроля конституционности принимаемых законов (отмена Конституционного суда) ставит под вопрос реализацию принципа разделения властей. По мнению ряда региональных аналитиков, Киргизия не готова к парламентской форме правления, способной (в силу существующих национальных, этнических и конфессиональных расколов) привести к дестабилизации политической системы и господству доминирующих кланов, а нуждается именно в стабильной президентской власти (ряд проектов усиления которой уже представлен), что позволит ей в будущем избежать кризисов, подобных революциям 2005 и 2010 годов. В ситуации расколота общества, каким является современная Киргизия, принятие дуалистической модели в предложенной трактовке не представляется оптимальным вариантом, поскольку такая модель ведет не столько к объединению преимуществ чистых парламентских и президентских систем, сколько к сочетанию их недостатков — слабости коалиционных правительств и росту авторитарных тенденций президентской власти.

В условиях, когда баланс сдержек и противовесов не отрегулирован, конституционные изменения чрезвычайно легки, а полноценный контроль конституционности законов невозможен, логика событий может пойти по веймарскому сценарию: развитие конфликта внутри парламента и последовательное делегирование парламентом своей власти правительству и премьер-министру, а от него —

Президенту, опирающемуся на одну из парламентских партий. Такой ход событий не исключен с учетом стоящего перед страной реального выбора: или распад страны по этническому признаку, или хроническое воспроизводство политической нестабильности (смена слабых правительств), или восстановление авторитарного режима. Последний может реализоваться при сформировании доминантной партии (коалиции) в парламенте и создании имперского президентства, которое будет востребовано как меньшее зло на фоне «балканизации» страны и кризиса власти. Данный сценарий усиления президентской власти соответствует понятной для всех соседних государств модели правления, представленной в контексте общих реставрационных и олигархических тенденций на постсоветском пространстве.

3. Конституционная реформа в рамках авторитарной модернизации (Казахстан)

Другую форму конституционных преобразований представляют страны, избравшие модель авторитарной модернизации (например, Казахстан). Они предпочли путь сохранения социальной и политической стабильности ценой ограничения полноценного конституционализма. Теоретическими понятиями, интерпретирующими данную политическую ситуацию, стали понятия «мнимый конституционализм», «параконституционализм», «ограниченная демократия», «направляемая демократия», «имитационная демократия» и прочие варианты «демократии с эпитетами». Основная движущая сила этих режимов — особый статус президентской власти, способной направлять (и корректировать) логику конституционной борьбы в соответствии с задачами модернизации страны. Во всех постсоветских государствах данной группы представлена не циклическая, но линейная модель, включающая три стадии развития: 1) принятие новой конституции, 2) ее авторитарная интерпретация; 3) закрепление особого статуса президента как национального лидера. В целом речь идет о реализации концепции имперского президентства в его классической форме, которую восприняли во многих развивающихся странах мира от Латинской Америки до Африки и Юго-Восточной Азии.

Эти стадии становления авторитарного режима отчетливо прослеживаются на примере конституционного развития Казахстана.

Первая стадия представлена принятием новой постсоветской Конституции (Верховным Советом 28 января 1993 года) и последующей трансформацией политической системы. Она включала роспуск Президентом Верховного Совета 13 декабря 1993 года, ликвидацию советов и формирование новой системы государственного управления.

Вторая стадия может быть определена как консолидация авторитарного режима. Мягкий конституционный переворот в Казахстане 1995 года выражался в роспуске парламента Президентом и принятии новой Конституции. С помощью референдума 29 апреля 1995 года была осуществлена поддержка идеи продления полномочий Президента. Инструментами доминирования президентской власти стали: наделение Президента единовременным правом создания квазиконституционного органа (Ассамблеи народа Казахстана), выдвижения президентского (государственного) списка на выборах в парламент и ограничение институтов контроля конституционности. Вынесение Конституционным Судом Постановления от 6 марта 1995 года, которым избранный парламент признавался нелегитимным, обозначило существо конфликта властей. Принятие изменений в Конституцию 1995 года на референдуме 1996 года (внесение 19 поправок к 13 статьям Конституции) привело к изменению структуры разделения властей, замене Конституционного Суда Конституционным Советом, расширению президентской власти и введению семилетнего мандата пребывания в должности. Эволюция конституционного законодательства в направлении авторитаризма шла не в последнюю очередь за счет активного использования указного права для трансформации политической системы⁹.

Третья стадия — модернизация авторитарного режима в правовых формах. Вопрос о демократизации политического строя стал предметом дебатов между властью и оппозицией об изменении Конституции и подготовке поправок к ней начиная с 2000 года. Реформы и изменения в законодательстве (2007) содержали намек на расширение прерогатив парламента. «Самороспуск» парламента (2007) за два года до истечения его

полномочий (2009) сопровождался корректировкой основного законодательства. Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» 2007 года и декларированные им реформы демонстрируют перераспределение властных полномочий в пользу парламента, усиление роли политических партий, развитие местного самоуправления, совершенствование судебной системы, обеспечение межнационального согласия и укрепление роли Ассамблеи народа Казахстана, развитие институтов гражданского общества и системы защиты прав и свобод граждан.

Переход от президентской к президентско-парламентской форме правления внешне продолжен последующими реформами. Правительство Казахстана 11 ноября 2009 года одобрило пакет поправок к Конституционному закону «О выборах», а также к законам «О политических партиях» и «О средствах массовой информации»¹⁰. Власти назвали принятые поправки шагами по модернизации и либерализации политической системы. Оппозиция же посчитала их маскировкой авторитарного режима в контексте председательства Казахстана в ОБСЕ. Переход к пропорциональной избирательной системе, расширение прерогатив парламента и премьер-министра происходят при сохранении доминирования президентской партии в парламенте и укреплении культа личности главы государства. Закон «О политических партиях» (2002) привел к укреплению позиций и доминирования президентской партии («Нур Отан») и расширению этнократического компонента власти (рост преобладания казахов в выборных институтах власти за счет представителей от русского населения). Закон от 20 июля 2000 года «О Первом Президенте Республики Казахстан» закрепил неприкосновенность первого Президента и наделил его исключительными привилегиями и политическим статусом. Завершением этой тенденции (2010) стало юридическое закрепление статуса действующего главы государства как «национального лидера» — «Елбасы»¹¹. Эту трансформацию политической системы Конституционный Совет признал не противоречащей Основному закону страны. Парламентом Казахстана была выдвинута идея продления президентских полномочий до 2020 года. Последующее признание Конституционным Со-

ветом неконституционности соответствующей поправки к Конституции¹² не изменило, однако, общего вектора политического режима: действующий Президент смог вновь выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах, обеспечив сохранение власти на очередной срок. Конституция Казахстана по-прежнему фиксирует норму о том, что «одно и то же лицо не может быть избрано Президентом Республики более двух раз подряд», однако оговаривает, что «настоящее ограничение не распространяется на Первого Президента Республики Казахстан» (п. 5 ст. 42), что фактически означает введение пожизненного срока президентских полномочий.

Преимущества и недостатки данной модели авторитарной конституционной модернизации выявляются при сравнении таких режимов в государствах Азии, Африки и Латинской Америки. В отличие от стран, переживших «цветные революции», в Казахстане консолидация политического режима происходила эволюционно, а его модернизация осуществлялась авторитарными методами. Преимущества такого решения заключаются в сохранении стабильности государства, а недостатки — в ограниченных возможностях правовой демократической трансформации режима в будущем. Наиболее трудной проблемой становится легитимное осуществление передачи власти от одного лидера к другому.

4. Отказ от конституционных реформ как стратегия консервации традиционалистских режимов (Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан)

Третья модель представлена режимами Средней Азии (Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан), которые до последнего времени вообще отказывались от проведения конституционных реформ, а если и шли на них, то с вполне имитационными целями. Данная модель ставит ряд общих вопросов. Может ли рациональная концепция конституционализма быть реализована в традиционалистском обществе с элементами сословной или кланово-родовой социальной структуры и доминирующим религиозным сознанием? В какой мере конституции западного типа могут заимствоваться в этих обществах и каковы должны быть технологии имплантации этих норм

для их адекватного функционирования?¹³ Обращение к решению этих проблем в социологии права и юридической антропологии, а также к сравнительным политическим исследованиям традиционалистских режимов говорит об отсутствии значительного простора для маневра. Ситуация определяется жестким выбором между анархией и механической стабильностью, переходящей в застой. Просматривается общая тенденция к патриархальному авторитаризму в среднеазиатском регионе.

Обретение *Туркменистаном* независимости сопровождалось усилением изоляции страны от внешнего мира, которая стала возможной как в силу наличия значительных природных ресурсов, так и в силу выбора статуса нейтралитета. Это дало стране известную стабилизацию, но одновременно способствовало ретрадиционализации режима, который стал приобретать выраженные деспотические черты. Идеологию режима составляли идеи национализма, консервативного патернализма и культа национального лидера. Созданный Президентом Ниязовым политический режим известен как один из самых закрытых в мире. В странах с подобными режимами подавляется движение оппозиции, а ее лидеры либо попросту исчезают, либо пополняют число политических заключенных в тюрьмах. Режим в Туркменистане характеризовался в литературе как патерналистский и тоталитарный, относился к экзотическим диктатурам, определяемым иногда как султанские режимы¹⁴.

Импульс конституционной модернизации возникает в данном регионе (с характерной для него исторической апатией населения) не столько изнутри, сколько извне. Смена политического лидерства, произошедшая в результате смерти Президента Ниязова и перехода власти к его преемнику, стала отправной точкой трансформации режима. Туркменистан не может более оставаться столь закрытым от внешнего мира в результате роста соперничества в Средней Азии таких мощных игроков, как США, Россия, Китай, Европа. Эта ситуация подталкивает его к поиску новых ориентиров во внешней политике, а также к пересмотру своего отношения к другим государствам. Осознание этой реальности политическим руководством страны делает актуальной идею конституционной реформы.

В *Таджикистане* в ходе постсоветских конституционных дебатов главное внимание уделялось проблеме сохранения светского государства. Первая постсоветская Конституция Таджикистана была принята на референдуме 1994 года в разгар гражданской войны. Она закрепляла светский характер государства, и эта норма явилась основным объектом критики со стороны Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), стремившейся создать исламское государство. Отсюда происходит недостаточная легитимность Конституции: в референдуме не смогла принять участие значительная часть населения (находившаяся в изгнании); Конституция фактически выразила интересы только одной военно-политической коалиции. Следует подчеркнуть связь проблемы конституционной реформы с процессом межтаджикских переговоров: они велись с привлечением международных посредников и завершились подписанием соглашения между властью и оппозицией (23 декабря 1996 года), одно из положений которого предусматривало разработку конституционного законодательства. Конституционная реформа в Таджикистане выступила, прежде всего, как механизм разрешения конфликта гражданской войны — споров о светском характере государства, формировании нового парламента, проведении выборов Президента, Маджлиси Оли и местных маджлисов народных депутатов. Подписание Общего соглашения и принятие изменений к Конституции, ставшие основой компромисса, не привели, однако, к окончательному прекращению споров власти и оппозиции по вопросам о распределении министерских портфелей и других административных должностей (в рамках выделенной оппозиции тридцатипроцентной квоты в структурах исполнительной власти). О тенденции к системной стабилизации свидетельствовали референдум по изменению и дополнению Конституции Таджикистана (26 сентября 1999 года) и выборы Президента (6 ноября 1999 года). Поправки к Конституции, вынесенные на референдум, предусматривали создание новой модели двухпалатного парламента (ст. 48 Конституции Республики Таджикистан провозгласила Маджлиси Оли профессиональным парламентом); выборы 75 % членов верхней палаты непрямым голосованием через посредство местных парламентам и назначение осталь-

ных 25 % Президентом; создание судебного совета, который должен принимать участие в назначении и увольнении судей разных уровней; легализацию функционирования политических партий, созданных на религиозной основе; продление срока полномочий Президента с 5 до 7 лет без возможного переизбрания. Эволюция таджикского конституционализма в последующий период шла в направлении авторитаризма и укрепления режима личной власти Президента Э.Рахмонова. Согласно новой редакции Конституции начиная с 2006 года он получил право занимать президентский пост еще два семилетних срока, причем были отменены конституционные ограничения на возраст кандидата в президенты.

В *Узбекистане* прослеживаются целенаправленный отказ от заимствования западных либеральных норм и последовательная ориентация на принципы «национальной самобытности и культурных традиций» в конституционном развитии. Как и в Таджикистане, основной проблемой нового режима стала борьба с исламской оппозицией по вопросу об отношении к светской модели государства, а методом ее решения — концепция «закрытого государства», основанного на идеологии национализма и жесткого авторитарного режима, характерной чертой которого стало последовательное воспроизводство преемственности власти. Принятие Конституции Узбекистана и избрание на сессии Верховного Совета Узбекской ССР 24 марта 1990 года первого Президента Республики И.Каримова было закреплено всенародными выборами 29 декабря 1991 года. Референдум 26 марта 1995 года привел к продлению полномочий Президента до 2000 года. Всенародный референдум 27 января 2002 года по внесению изменений в Конституцию Узбекистана увеличил продолжительность президентского мандата И.Каримова с 5 до 7 лет, который был вновь переизбран Президентом в декабре 2007 года. Представляет интерес выдвинутая в Узбекистане (и ряде других государств региона) теория перманентного лидерства. Оппозиция выступила против этих выборов, указывая на неконституционность третьего президентского срока Каримова, однако, согласно официальному разъяснению, референдум 2002 года о продлении президентских полномочий создал новые правила игры, в соответ-

ствии с которыми Президент оставался у власти только один срок. Эта теоретическая эквилибристика легитимировала пребывание у власти лидера, продолжительность правления которого составит к 2014 году почти четверть века. Революция в Киргизии 2005 года и ряд других внешнеполитических факторов имели следствием закрытие границ Узбекистана и фактическое введение режима президентской диктатуры. Напряженность в Ферганской долине, связанная с Андижанским бунтом (2008), и его подавление привели к ужесточению режима¹⁵. Эта тенденция еще более укрепилась после революции в соседней Киргизии в 2010 году, сопровождавшейся киргизско-узбекскими этническими столкновениями, которые вызвали значительный поток беженцев в Узбекистан.

В целом модель отказа от реформ представлена странами Средней Азии, сохраняющими традиционалистскую социально-политическую систему, основанную на поддержке механической стабильности во имя сохранения светских основ государства, межэтнического баланса и подавления религиозной оппозиции. Критика опыта «цветных революций» и созданных ими нестабильных режимов до последнего времени служила в этих странах легитимации национализма, изоляционизма и отложенной конституционной модернизации, масштабы, границы и сроки осуществления которой определяются интересами воспроизводства власти действующих кланов и президентов. Поправки к конституциям Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана не выходят за рамки этих целей. В ряде случаев они означают известное движение к рационализации конституционных основ в направлении светского выбора, бюрократического централизма и самостоятельности государственной власти. Эти цели осуществляются путем делегирования дополнительных полномочий административным институтам по всей вертикали власти снизу доверху, в конечном счете — главе государства.

5. Конституционная реформа как переход от деспотического патернализма к авторитаризму (Туркмения)

В *Туркменистане* конституционное развитие определялось существованием самой же-

стой диктатуры на постсоветском пространстве, которую можно классифицировать как синтез тоталитаризма и деспотического патернализма¹⁶. Хотя в постсоветскую Конституцию Туркменистана 1992 года и были внесены многочисленные поправки в 1995, 1999, 2003 и 2005 годах, они имели сугубо косметический характер. В результате поправки 2005 года было отменено действовавшее ранее положение об этнической принадлежности главы государства, однако в целом внесенные изменения представляли собой дальнейшее отступление от демократических норм современного конституционализма. Характерным атрибутом системы стало закрепление личной власти Президента Туркменистана: решением высшей республиканской легислатуры — Халк Маслахаты — от 1998 года С. Ниязов (Туркменбаши) был объявлен пожизненным Президентом. Закрытый характер государства поддерживался доктриной его нейтральности. Сочетание тоталитарных и патерналистских методов в управлении страной означало отсутствие (даже с формально-юридической точки зрения) полноценного разделения властей и института конституционного контроля. Смерть Президента Ниязова позволила новому руководству предпринять осторожные шаги по модернизации режима и ограничению культа личности.

Выдвинутые в 2008 году по инициативе Президента Г. Бердымухамедова предложения по конституционной реформе были ориентированы на международные стандарты, рыночную экономику, экологические требования и сбалансированную концепцию отношений общества и государства. Они охватывали жизненную сферу правовой и институциональной перестройки — права человека, разделение властей, институциональную структуру переходного общества. В ходе реформы поступило много разных предложений. Одни из них содержали лишь общие идеологические и риторические положения (например, идею о том, что государство должно поддерживать семью и создать условия для здорового образа жизни), направленность других (например, на прекращение дискриминации тех или иных категорий населения) была понятна как реакция на предшествующее нарушение конституционных норм, но зато третьи касались вполне реальных приоритетов: разделение властей и его конститу-

ционные рамки; структура парламента (бикамерализм и распределение полномочий между палатами); распределение власти между парламентом и Президентом и форма правления; продолжительность президентского мандата; деятельность суда и прокуратуры, функционирование центрального и местного управления и самоуправления. Предложения, выдвинутые Комиссией по реформе, концентрировали внимание на трех основных вопросах: пересмотр всего текста Конституции в свете государственных обязательств Туркменистана согласно международному праву; упразднение Халк Маслахаты (ст. 45) и его замена законодательным собранием, более соответствующим представлениям о парламентаризме; создание системы законодательных и исполнительных органов власти, способных эффективно действовать в условиях предстоящих рыночных реформ.

В результате конституционной реформы 2008 года была изменена структура политической системы: функции традиционалистского Народного совета (Халк Маслахаты) были распределены между Президентом и Меджлисом, причем число депутатов последнего возросло. Новый Основной закон ввел подобие президентско-парламентской системы, увеличил прерогативы Президента, наделив его правом назначать руководителей региональных органов власти, членов ЦИКА, судей и других должностных лиц. Данная реформа завершилась определенной модернизацией авторитаризма, осуществленной с целью поддержания внутренней стабильности и внешнего престижа нового руководства¹⁷.

Общее значение реформы поэтому нельзя определить как переход к правовому государству. На данном этапе оно состоит в рационализации авторитаризма. Это прагматическое решение актуализирует проблематику мнимого конституционализма, который в разных вариантах был неоднократно востребован во многих государствах региона. Специфика Туркменистана заключается в том, что правление в государстве сохраняет свой клановый характер, а внутренняя логика текущих изменений состоит в переходе власти от одного клана к другому (используется выражение «клановая революция»). Переход к «Эпохе Возрождения» (как принято называть новый курс действующего Президента)

и устранение одиозных элементов атрибутики предшествующего правления (в виде статуй Туркменбаши и изображений его профиля на деньгах) в этом контексте есть сигналы, которые говорят скорее о попытке изменения и рационализации легитимирующей формулы, чем об отказе от режима личной власти.

Основной вектор конституционной реформы в Туркменистане может быть определен как переход к президентской форме правления, хотя соответствующие параметры разделения властей и системы сдержек и противовесов далеки от определенности. Как и в большинстве постсоветских государств, важнейшая проблема соотношения прерогатив парламента и Президента решена в пользу последнего, причем неопределенность положений Конституции в таких вопросах, как роспуск парламента Президентом, импичмент, президентское вето и возможности его преодоления, указное право, разграничение полномочий парламента и Президента в чрезвычайных ситуациях, полномочия и ответственность правительства и т. д., может спровоцировать конституционные конфликты в будущем. Если оценивать современные формальные нововведения в сравнении с предшествующей конституционной реформой 2005 года, то можно констатировать очевидное усиление прерогатив президентской власти, то есть применение модели, вполне адекватной задачам авторитарной модернизации.

6. Плебисцитарные режимы: имперское президентство и персоналистский стиль правления

Конституционная реставрация выражается наиболее последовательно в феномене демократического цезаризма — в создании плебисцитарных режимов, легитимирующая формула которых соединяет такие понятия, как единство нации, суверенитет и особый статус лидера.

Первый компонент легитимирующей формулы — *единство нации* — находит последовательное выражение в плебисцитах, легитимирующих режимы и их лидеров. Данная система функционирует в рамках консультаций главы государства с нацией, минуя парламент и политические партии, и осуществляется в форме референдумов, призванных выразить единодушие народа в поддержке

проводимого курса и обеспечить преемственность власти действующего лидера или его наследника. Наиболее ярко эта логика выражена в референдумах о «доверии» народа главе государства, изменении порядка его выборов и сроков возможного пребывания у власти, но прежде всего — о продлении его конституционного мандата. Референдумы, продлившие полномочия действующих глав государства, проходили в Казахстане (1995), Киргизии (2003), Таджикистане, Узбекистане (1995, 2002), Туркменистане (1994).

Второй компонент легитимирующей формулы — *суверенитет* — получает трактовку, напоминающую ее бонапартистскую интерпретацию: суверенитет принадлежит народу, однако его воплощение и практическое осуществление всецело делегировано главе государства. На этой основе происходит пересмотр системы разделения властей в направлении их централизации и усиления полномочий исполнительной вертикали власти. Это позволяет легитимировать все законодательные инициативы, в том числе направленные на изменение конституционного строя, как выражение единодушной воли народа, парламента и правительства.

С одной стороны, идет ослабление законодательной власти — «рационализация» парламентаризма. Восстановление «порядка» достигается путем конституционных и других правовых методов, обеспечивающих преобладание в публичной политике одной (правительственной) партии над другими партиями (феномен таких партий, как «Нур Отан» в Казахстане, «Ак Жол» в Киргизии, «Демократическая партия» в Туркменистане, которые некоторые аналитики сравнивают с доминантными партиями в Сингапуре, Японии и Мексике). Для обеспечения фактического господства одной партии при сохранении формальной многопартийности используются различные приемы: процедура досрочного роспуска парламента с последующим изменением Конституции (Казахстан — 1993, 1995, 2007); изменение избирательного законодательства (чередование мажоритарной и пропорциональной систем в зависимости от позиций правящей партии в Казахстане); принятие законодательства, обязывающего партии действовать строго в рамках конституции, которая при этом подвергается существенной трансформации (например, законодательные

акты 2002 и 2009 годов в Казахстане). Если глава государства является одновременно (юридически или фактически) главой правящей партии (как это имеет место в странах Средней Азии), то это сужение политического пространства может пойти еще дальше.

С другой стороны, происходят очевидная политизация и ограничение роли институтов контроля конституционности, прежде всего независимого конституционного правосудия. Конституционные суды с абстрактной системой нормоконтроля были созданы во всех постсоветских государствах (за исключением Эстонии, где это решение не состоялось из-за проблемы защиты прав «неграждан»). Однако ситуация с контролем конституционности не является единой в постсоветских государствах, где функции гаранта конституции выполняются парламентами, конституционными судами и президентами. Позиция конституционных судов в конфликтах ветвей власти чрезвычайно политизирована, противоречива и не отличается доктринальным единством. В одних случаях конституционные суды противостоят конституционным реформам, направленным на изменение формы правления. Так, в Казахстане (1995) Конституционный Суд отказался признать конституционной процедуру принятия новой Конституции. В других случаях суд однозначно становится на сторону победившей стороны (Конституционный суд Киргизии, признавший результаты переворота 2005 года). Можно указать на многочисленные примеры признания конституционными судами конституционности референдумов, продливших мандат действующего главы государства. Наконец, имеются случаи направленного ограничения прерогатив институтов контроля конституционности (введение Конституционного Совета вместо Конституционного Суда в Казахстане) или даже их отмены (отмена Конституционного суда в Киргизии после революции 2010 года). Это делает актуальной проблему легитимности «знаковых» политических решений институтов контроля конституционности в странах среднеазиатского региона¹⁸.

Третий компонент легитимирующей формулы плебисцитарных режимов — *исключительный политический и правовой статус главы государства как национального лидера*. Он выражается, прежде всего, в широкой трактовке независимости (иммуни-

тета) президента от правового контроля — гражданского и уголовного процесса — до тех пор, пока он остается у власти. Цель данного института состоит в поддержании исключительного статуса президентской власти, а не конкретного ее носителя как такового. Далее, президент стоит фактически (а в ряде случаев и формально-юридически) над правом, являясь гарантом конституции и верховным арбитром в возможных конфликтах между властями и различными политическими силами. В результате он не может быть подвергнут судебному преследованию, его решения не могут оспариваться в суде, а его личность защищена специальными законами от оскорблений и клеветы (обычные законы о диффамации не распространяются на эти случаи). Наконец, исключительность статуса президента поддерживается отсутствием конституционного закрепления либо фактической нереализуемостью конституционной процедуры импичмента. Возможность судебного преследования президентов стала поэтому одним из основных требований оппозиции в постсоветских государствах, особенно в Киргизии, где свергнутый Президент К. Бакиев безуспешно добивался от Временного правительства подтверждения статуса неприкосновенности в отношении себя и членов своей семьи, против которых были начаты уголовные дела, а также сохранения некоторых активов. В Казахстане данный эпизод стал, возможно, причиной изменения законодательства с целью оградить Президента, его родственников и имущество от любых возможных претензий в будущем. В 2010 году по инициативе правящей партии были приняты поправки в конституционные законы «О выборах», «О Президенте Республики Казахстан», «О Первом Президенте Республики Казахстан», а также в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, наделяющие Назарбаева статусом Первого Президента — лидера нации¹⁹. Статус «отца нации» (Туркменбаши), «лидера нации» (Назарбаев) коррелируется с неограниченным пребыванием у власти или даже возможностью ее передачи по наследству.

Конституционная формула о «единстве власти» (например, в Казахстане и ряде других государств) предполагает фактическую ликвидацию альтернативных центров власти при формальном их допущении и конституционном закреплении. Результатом становится

завершение реставрации авторитаризма — создание плебисцитарного режима в форме «имперского президентства». В основе процесса концентрации власти во всех рассмотренных странах среднеазиатского региона лежит размывание границы между конституционными нормами и нормами административного права. Административное право выводится из сферы публичного права и социального контроля с помощью законодательства о государственной безопасности, о регулирующей и контролирующей роли государства, о расширении дискреционных полномочий административных институтов и установлении культа силовых структур. Воплощая метафизические принципы национального единства и государственного суверенитета, власть президента оказывается вне системы социального контроля и разделения властей, характеризуется наделением главы государства привилегированным социальным статусом и персоналистским стилем правления. Президентская власть выступает единственным источником окончательных решений по всем, даже простейшим проблемам. При кажущейся мощи данные режимы теряют гибкость в принятии решений, рискуя деформировать себя о реальном положении дел, обеспечить прогнозируемый характер преемственности власти и конституционной легитимности ее передачи от действующего лидера его преемнику.

7. Масштабы и границы реставрационных тенденций в среднеазиатском регионе

Проведенный анализ делает целесообразным отказ от классической транзитологической парадигмы с ее телеологическими представлениями о движении к демократии и линейной интерпретации переходного периода. Результаты посткоммунистического развития в регионе Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, и Средней Азии, с другой стороны, оказались чрезвычайно различными: в одной группе стран они фиксируют установление функционирующей демократии, в другой — неопределенность в форме дисфункциональной демократии, в третьей — провал демократического транзита, выражающийся в конституционной ретрадиционализации и авторитаризме.

Общая нестабильность политических режимов в регионе связана с тремя проблемами. Во-первых, это кризис идентичности и конфликт двух базовых ценностей переходного периода — демократии и национализма: первая предполагает неограниченные возможности гражданского и правового самоопределения, второй, напротив, ставит во главу угла принцип национального самоопределения и суверенитета. Фундаментальным фактором, повлиявшим на состояние политического режима, стала для стран региона трудность перехода от этнической трактовки нации к концепции гражданской нации, породившая распад многонациональных государств Центральной и Восточной Европы, а затем (особенно в рамках интерпретации косовского прецедента) поставившая те же проблемы перед отдельными государствами на постсоветском пространстве, которые столкнулись с угрозой распада и феноменом «самопровозглашенных государств». С этих позиций неоднократно обсуждался вопрос о территориальной целостности и возможных сценариях распада таких государств, как Таджикистан, Узбекистан и Киргизия, ситуацию в которой определяли как «несостоявшееся государство».

Во-вторых, это кризис легитимности постсоветских режимов, элиты которых пришли к власти на волне национального и демократического подъема 1990-х годов, связанного с падением коммунизма, но сохранили формы и методы управления, свойственные предшествующей эпохе. Столкновение завышенных ожиданий с реальностью привело к росту отчуждения общества и власти. Неспособность режимов найти адекватное разрешение накопившихся в обществе вопросов породила феномен «цветных революций» — соединение социального протеста с идеологией правовых преобразований. Ответы на этот вызов, предложенные в странах региона, оказались различными и включали три стратегии политико-правовой модернизации: осуществление конституционной революции с целью быстрого перехода к демократическим формам правления (Киргизия); проведение отдельных конституционных реформ без изменения существа авторитарного режима (Казахстан); наконец, осозанный отказ от реформ во имя сохранения стабильности и предсказуемости ситуации (Таджикистан, Узбекистан) или мо-

дернизация авторитаризма под влиянием ряда внешних и внутренних факторов (Туркмения).

В-третьих, это трудность формирования основ демократической (конституционной) политической системы в виде гражданского общества, разделения властей, отделения власти от собственности, создания независимой судебной системы, многопартийности, институтов правового государства, обеспечения конкурентной политической среды и меритократической элиты. В ходе конституционных кризисов постсоветского периода эти вопросы были поставлены, но не получили адекватного разрешения. В большинстве случаев они сводились к выбору формы правления — парламентской, президентской или смешанной. Следует констатировать, что государства Центральной и Восточной Европы (впрочем, не без поддержки Евросоюза) отдали однозначное предпочтение парламентским или парламентско-президентским формам, в то время как евразийские и, особенно, центральноазиатские политические режимы — президентским или президентско-парламентским. Ключевое значение имел поиск альтернативы российской модели президентско-парламентской формы правления, которая на деле выступает как режим сверхпрезидентской власти. Это актуализировало опыт обращения к парламентской форме правления (Киргизия), парламентско-президентской или президентско-парламентским формам (Казахстан) или к легитимации традиционалистских авторитарных режимов как президентских (Туркмения).

Опыт показал, однако, что при всем разнообразии избранных моделей ни одна из них не решила проблему политической стабильности. Парламентская форма правления, функционировавшая в некоторых постсоветских странах при господстве одной партии, оказалась деструктивным фактором в условиях партийного раскола и неспособности формирования правительства общественного доверия и выборов президента. Обращение к парламентаризму в условиях политического и этнического противостояния (Киргизия) сталкивается с проблемой примирения кланов и консолидации власти. Формальная трансформация президентско-парламентской системы в парламентско-президентскую (Казахстан) или включение отдельных ее элементов в повестку реформ мало что изменяет

в механизме власти и управления при сохранении режима мнимого конституционализма и абсолютного контроля главы государства над всей политической системой (через правящую партию). Самыми «стабильными» в этом смысле оказались режимы Средней Азии, которые вообще не проводили реформ (Узбекистан), отказались от них в силу опасения дестабилизировать систему (Таджикистан) либо свели их к модернизации авторитаризма (Туркменистан). В конечном итоге выбор между «свободой» (парламентский режим) и «порядком» (президентский режим) свелся к выбору между политической нестабильностью и авторитаризмом в виде различных вариантов плебисцитарных режимов с выраженной тенденцией к имперскому типу президентской власти с персоналистским стилем правления.

Общие тенденции к реставрации и реконституционализации, являющиеся в определенном смысле объективным следствием неподготовленности общества к введению либеральной демократии, а также реакцией на неэффективное функционирование демократических институтов, могут получать различное политическое наполнение. Наиболее адекватным выражением реставрационных процессов в Средней Азии является тенденция к олигархизации правящих режимов независимо от конституционных форм их организации. Следствием данной логики становится ошутимое сужение политического пространства: политическая коррупция, ограничение общественного плюрализма, политических партий, некоммерческих организаций, независимых от власти средств массовой информации. В результате эрозии демократических институтов принятие политических решений все менее зависит от конституционных институтов законодательной и исполнительной власти и все более — от неформальных договоренностей и групп, использующих эти институты в своих целях.

Медушевский Андрей Николаевич — ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики» (факультет прикладной политологии).

amedushevsky@mail.ru

ветских политических режимов // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 4 (77). С. 155–178.

- ² См.: *Саква Р.* Сравнительный анализ изменений политических режимов стран постсоветской Евразии // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 4 (57). С. 117–125.
- ³ Подробнее см.: Восточная Европа и Россия: через 20 лет после падения Берлинской стены // Российская история. 2010. № 3. С. 110–118.
- ⁴ См.: Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы: Материалы международной научно-теоретической конференции: В 2 ч. / Под общ. ред. Н. С. Нижник. СПб.: Астерион, 2009.
- ⁵ См.: *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
- ⁶ См.: Киргизский переворот: Март—апрель, 2005: Сборник / Сост. Г. О. Павловский. М.: Европа, 2005.
- ⁷ См.: *Медушевский А. Н.* Конституционный кризис в Киргизии // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1 (54). С. 3–14; *Медушевский А. Н.* Киргизия в поисках модели конституционного устройства (о двух новых редакциях Конституции) // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2 (59). С. 18–31.
- ⁸ См.: *Медушевский А. Н.* Революция в Киргизии: итоги и перспективы конституционных преобразований // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 1 (80). С. 13–32.
- ⁹ См.: *Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная эволюция // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 2 (31). С. 2–10.
- ¹⁰ См.: *Константинов А., Фильченко Н.* Нурсултан Назарбаев пустил оттепель в глаза: Казахстан запустил либеральные реформы // Коммерсантъ. 2008. 12 ноября. № 205 (4022). С. 9.
- ¹¹ Изменению подверглись пункт 5 статьи 42 и пункт 4 статьи 46 Конституции (см.: Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. Алматы, 2010).
- ¹² Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнения в Конституцию Республики Казахстан» был признан не соответствующим Конституции нормативным постановлением Конституционного Совета Республики Казахстан от 31 января 2011 года № 2 // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2011. Вып. 18. С. 16–20.

¹ См.: *Медушевский А. Н.* От революции к реставрации: олигархические тенденции постсо-

- ¹³ См.: *Олкотт М.Б.* Второй шанс Средней Азии. М.; Вашингтон: Московский Центр Карнеги, 2005.
- ¹⁴ См.: *Sultanistic Regimes* / Ed. by Н.Е. Chehabi; J. J. Linz. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988.
- ¹⁵ См.: *Средняя Азия: Андижанский сценарий?: Сборник* / Сост.: М.М. Мейер. М.: Европа, 2005.
- ¹⁶ См.: *Рыблов В.* Туркменская трагедия. М.: Фонд «Туркменистан», 2003.
- ¹⁷ См.: *Медушевский А.Н.* Конституционная реформа в Туркменистане: переход к демократии или модернизация авторитаризма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6(67). С. 5–16.
- ¹⁸ См.: *Медушевский А.Н.* Конституционный контроль и политический выбор в обществах переходного типа: к проблеме легитимности судебных решений на постсоветском пространстве // Зангер: Вестник права Республики Казахстан. 2011. № 1(114). С. 11–17.
- ¹⁹ *Константинов А.* Президент Казахстана получил повышение: Парламент наделил Нурсултана Назарбаева статусом лидера нации // Коммерсантъ. 2010. 14 мая. № 84(4384). С. 7.